

Цифровые отношения как предмет правового исследования

С.К. Банакас¹, Д.А. Петров², В.Ф. Попондопуло², Е.В. Силина³

¹ Университет Восточной Англии, University of East Anglia,
United Kingdom, Norwich Research Park, Norwich, Norfolk, NR4 7TJ

² Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7–9

³ Российский государственный университет правосудия (Северо-Западный филиал),
Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, парк Александровский, д.5

Предмет юридической науки проявляет себя в результате исследования ее объекта методами, подходящими для исследования объекта. Правовед должен оперировать не только формально-юридическими методами исследования, но иными методами, которые позволяют познать цель и средства деятельности участника цифровых отношений, а затем также среду (цифровые технологии и нормативные установления), как внешний фактор, влияющий на поведение (волю) участников цифровых отношений. Указанные методы предполагают различие типов человеческой деятельности и отношений, а также их юридических режимов: частных и публичных цифровых отношений и методов их регулирования. С теоретической точки зрения цифровое право – это не отдельное подразделение в системе права, а цифровая форма частных и публичных цифровых отношений, которая требует новых подходов к их регулированию, но не подмены содержания цифровых отношений их формой. Частные цифровые отношения являются результатом правовой коммуникации (саморегулирования) участников цифровых отношений. Публичные цифровые отношения являются не отношениями права, а отношениями власти и подчинения (властеотношениями). Конституционные аспекты правового исследования цифровых отношений позволяют найти баланс в вопросах государственной поддержки развития цифровых технологий и обеспечения прав и свобод человека в его цифровых взаимоотношениях с государством. Цифровизация отношений является лишь одним из средств, используемых обществом и его публичными образованиями для блага человека, как его высшей ценности. Задача государства – признавать, соблюдать и защищать цифровые права граждан, обеспечивая при этом конституционную безопасность личности, общества и государства. Государство должно не столько регулировать технологические процессы, сколько осуществлять государственный контроль деятельности разработчиков технологий и защиту прав участников цифровых отношений.

Ключевые слова: цифровое отношение, субъекты цифровых отношений, объекты цифровых отношений, содержание цифровых отношений, цифровое правоотношение, цифровое властеотношение, цифровое право, методология исследования, права и свободы человека.

1. Введение

Во всех сегментах мировой экономики наступила эра информационно-технологических коммуникаций (Ландбассо 2018, 5). Широкое использование цифровых технологий как в частной, так и в публичной сферах жизни общества, придает соответствующим общественным отношениям определенную специфику, которая должна учитываться в ходе их правового (саморегулирования) и законодательного (субсидиарного) регулирования. Один из вопросов, который возникает при этом, как соотносятся цифровая и правовая формы общественных отношений?

Для исследования особенностей *правового* (коммуникативного) и *нормативного* регулирования цифровых отношений необходимо сначала выделить в качестве объекта исследования сами общественные отношения, затем показать те цифровые и правовые формы, в которых они реализуются. Цифровизация может затрагивать все элементы отношения (основания динамики, субъектов, объектов, содержания, способов защиты и пр.) и определять их особенности. Однако предметом *правового* исследования является *правовая форма* общественных отношений, облеченных в цифровую форму.

Для того, чтобы раскрыть вопрос о цифровых отношениях как предмета правового исследования необходимо рассмотреть его в таких аспектах, как методологический, теоретический, конституционный, а также с точки зрения особенностей частного регулирования и публичного их регулирования.

2. Основное содержание

2.1. Методологический аспект правового исследования цифровых отношений.

В правоведении истина, как результат исследования, всегда относительна, субъективна, зависима от способа мышления исследователя, его предпочтений. Дело в том, что закономерности человеческой деятельности (в отличие от законов природы) подвластны лишь целевой установке исследователя и проявляют себя как *законы-тенденции* (Сырых 2011, 50-51). В отличие от результатов исследования в области естественных наук, результаты общественных наук, являясь *интерпретациями конкретного исследователя*, не поддаются верификации, т. е. проверке и подтверждению. Это, в частности, приводит к разному пониманию цифрового права, что определяется различиями в применяемой методологии исследования этого феномена.

Юриспруденция *изучает право*, как социальное явление, а не природную реальность (физическую, биофизическую, кибернетическую и т.п.), и начинать такое исследование следует с анализа *волевых действий людей*, участников цифровых

отношений, продуцирующих и реализующих свое право. Правоведение, как отрасль науки об обществе, представляет собой совокупность знаний о праве и его свойствах. Оно характеризуется *своим* объектом, предметом и методами исследования

Объектом юридической науки выступают *реальные социальные явления*, имеющие юридическое значение и изучаемые юридической наукой в ходе познания ее предмета. Цифровые технологии – это социальные явления, выступающие объектом юридической науки, поскольку они порождают помимо прочего особые *формы общественных отношений* – цифровые отношения, подлежащие регулированию.

Предметом любой науки, включая юриспруденцию, выступают устойчивые, повторяющиеся закономерные связи исследуемого объекта в окружающей его среде (природной, социальной). Применительно к юриспруденции следует различать закономерности двоякого рода: а) *закономерные связи права и внешних по отношению к нему социальных явлений*, проявляющиеся в зависимости действий индивидов (участников цифровых отношений) и их последствий от природных (цифровых технологий) и социальных (нормативных) условий, б) *закономерные связи формирования и реализации собственно права* (в нашем случае – цифрового права) как таковые, проявляющиеся в действиях индивидов (участников цифровых отношений) и их последствиях.

Через анализ разнообразных социокультурных связей открываются возможности выявления их смысла, обретения знаний, как о праве (предмете юриспруденции), так и о том, без чего оно не может быть самим собой, - сопредельных областей (объект юриспруденции), связанных с ним каузальными и детерминационными зависимостями (Бачинин 2007, 156). Закономерная зависимость права от природных и социальных условий жизни общества не безусловна, хотя довольно отчетливо проявляет себя. Например, появление цифровых технологий повлекло за собой возникновение цифрового права и необходимость определения его природы, от чего в свою очередь зависит характер нормативного регулирования цифровых отношений.

Закономерности права проявляют себя не только как связи права и внешних факторов, но и как его внутренние структурные связи: волевого действия индивида и его последствий. Например, действие индивида, признаваемое другими участниками цифровой коммуникации, являясь правовым, влечет возникновение и реализацию цифрового отношения; действие индивида, не признаваемое другими участниками цифровой коммуникации, не порождает цифрового отношения. Внутренние связи права являются сущностными, хотя они подвержены влиянию внешних по отношению к праву

природных и социальных факторов. Так, законодательство по-разному может отражать это право в зависимости от государственной политики: стимулировать, ограничивать, запрещать (например, признавать криптовалюту платежным средством или не признавать).

С точки зрения представителей юридического позитивизма правовое регулирование цифровых отношений сводится к нормативному регулированию (Василевская 2020), с чем согласиться нельзя. Известно много примеров возникновения общественных отношений в отсутствии какого-либо нормативного регулирования и цифровые отношения яркий пример тому. Применительно к праву необходимо вести речь о предмете (цели деятельности индивида) и методах (средствах реализации деятельности) *правового регулирования*, а предмет и методы *нормативного регулирования* – это цели законодательной (государственной) деятельности и средства их достижения, которые могут неадекватно отражать индивидуальное право в нормативных актах.

Правовед должен выявлять влияние природных или социальных факторов на право, показывать, как тот или иной внешний фактор действует в правовой сфере. Выявляя соответствующие связи, юридическая наука решает не только теоретические задачи, но и способствует их правильному отражению в нормативных актах и практике их применения (Попондопуло 2016, 4).

Предмет юридической науки проявляет себя в результате исследования ее объекта *методами*, избранными исследователем и подходящими для исследования объекта. К сожалению, методологии юридических исследований, определению их объектов и методов, часто не уделяется должного внимания, результатом чего является отсутствие эвристического результата (Попондопуло 2021, 22).

Юриспруденция, как наука о человеческой деятельности, изучающая право (цифровое право), обязывает правоведа оперировать не только специфическими юридическими методами исследования (догматикой), но также другими методами, используемыми наукой о человеческой деятельности, в частности, *методологическим индивидуализмом* и *методологической единичностью* (Мизес 2005, 43-46; Сергеев 2014, 11), в соответствии с которыми научное исследование должно начинаться с познания целей и средств деятельности *отдельного индивида*, а затем – познания *влияния среды*, как внешних факторов, влияющих на поведение (волю) индивида. Указанные методы предполагают различие типов человеческой деятельности и их юридических режимов: *частного регулирования* общественных отношений (саморегулирования) и *публичного*

регулирующих общественных отношений. Этот вывод относится и к цифровым отношениям, разделяющимся на *частные цифровые отношения* и *публичные цифровые отношения*.

2.2. Теоретический аспект правового исследования цифровых отношений.

Вопрос о природе цифрового права и его месте в системе права представлен в юридической литературе крайне противоречиво. С одной стороны, утверждается, что цифровизация права катализирует стирание граней между его отраслями; формирует цифровое право, как комплексную отрасль права,¹ или комплексный институт права (Блажеев, Егорова ред. 2020, 35-36). С другой, информация и технологии присущи каждой отрасли права, они становятся общим знаменателем; процесс формирования цифрового права представляет собой «цифровизацию» права, его отраслей; отношения, составляющие предмет цифрового права, тесно связаны с отношениями, составляющими предмет регулирования иных отраслей права (Там же).

Обоснованной представляется позиция, в соответствии с которой цифровое право – это не особое подразделение в системе права, а *цифровая форма* частных и публичных общественных отношений. Новая форма отношений требует новых подходов к их регулированию, но не подмены сущностного содержания отношений новой формой. Например, личные права, складывающиеся с использованием цифровых технологий, остаются в сути своей теми же личными правами (например, право на имя), учитываемыми в базах данных в качестве персональных данных.

Механизм регулирования общественных отношений в цифровой среде основывается в первую очередь на том, что это частные или публичные отношения, и лишь затем - на том, что они облечены в цифровую форму. Поэтому не вполне приемлемо определение цифровых отношений как отношений, имеющих *информационную природу*, поскольку они возникают по поводу совершения тех или иных действий с информацией в цифровом виде – цифровыми данными (Блажеев, Егорова ред. 2020, 41-42). Цифровые отношения могут возникать не только по поводу действий с информацией, как их содержанием (например, с интеллектуальными правами), но и с реальными вещными и обязательственными правами, выраженными в цифровой форме.

¹ См., например: Головкин, Амосова 2019, 166.

Неприемлема точка зрения, в соответствии с которой в «правовое регулирование включается вся методология техники и искусственного языка техники, что ведет к существенному проницанию границ между социальными и техническими нормами», ... «чтобы увидеть структурные процессы в праве, необходимо сделать технологии предметом правового регулирования на основе взаимодействия людей и объектов неживой природы. Человеко-центризм права эволюционирует в сторону техноцентризма», ... «вопрос классической юриспруденции объективным ходом развития естественных и технических наук лишается смысла» (Блажеев, Егорова ред. 2020, 15-19).

Во-первых, следует различать такие объекты исследования как технологии (технические решения) и общественные отношения, связанные с ними (цифровые отношения). Предметом правового регулирования могут быть только общественные отношения, основанные на действиях (воле) людей по поводу владения, пользования и распоряжения технологиями. Понимание этого исключает замену или вытеснение человеко-центризма техно-центризмом.

Во-вторых, и это главный вопрос: является ли то, что квалифицируется в качестве цифрового права, структурным подразделением права или это лишь особая характеристика уже существующих классических подразделений права в нормативном или коммуникативном его понимании? По мнению апологетов существования особого цифрового права в системе права, цифровизация ведет к изменениям общественных отношений, составляющих предмет регулирования цифрового права, появляются новые общественные отношения, характеризующиеся нетипичным субъектным составом, объектами и средой существования, которые порой «практически исключают непосредственное участие человека,... происходящие помимо воли людей,... на данном этапе объективно не могут быть урегулированы правом в необходимом объеме» (Блажеев, Егорова ред. 2020, 31). Представляется, что в данном утверждении заложено неразрешимое противоречие: с одной стороны, утверждается, что есть общественные отношения, составляющие предмет цифрового права, а, с другой, - утверждается, что это отношения без участия человека и не могут быть урегулированы правом, т.е. это не общественные отношения. Но, если нет определенного рода общественных отношений, выступающих предметом регулирования, то нет и их обособленного по методу регулирования отдельного подразделения права, ни в его коммуникативном, ни в его нормативном понимании.

Для нас очевидно, что речь нужно вести а) о регулировании частных и публичных отношений, выступающих в цифровой форме, посредством характерных для них методов регулирования (соответственно саморегулирования и власти и подчинения). Разумеется, цифровая форма известных общественных отношений определяет особенности их регулирования, но вряд ли делает их какими-то новыми, не вписывающимися в дихотомию указанных выше общественных отношений и составляющих предмет какой-то особой отрасли или института цифрового права.

В литературе отмечается, что появление разного рода виртуальных сообществ свидетельствует о стремлении людей выйти из-под жесткой государственной регуляции. По такому образцу формируются и сетевые сообщества, потенциально способные образовывать саморегулируемую «криптосреду» (Хабриева, Черногор 2018). Однако это не свидетельствует о появлении нового подразделения права – цифрового права. Это означает образование новой цифровой реальности - общественные отношения, выступающие в цифровой форме, регулируемых посредством саморегулирования и нормативного регулирования.

Цифровые правоотношения определяются в юридической литературе как «урегулированные правом отношения по использованию данных в цифровом виде...», являющиеся по своему характеру комплексными (Блажеев, Егорова ред. 2020, 67-68). Данное определение основано на нормативистских представлениях о праве и вызывает возражения. Очевидно, что в нем речь идет об отношениях, урегулированных законодательством, но законодательство является субсидиарным средством регулирования. Отношения по использованию данных в цифровом виде изначально возникали и осуществлялись на основе коммуникаций участников таких отношений независимо от регулирования их законодательством. Законодательство, регулирующее цифровые отношения, стало появляться позже, как реакция на новые вызовы, воспринимаемые главным образом как опасность устоявшемуся порядку, например, криптовалюте как частным деньгам и платежному средству, подрывающему государственную монополию на регулирование расчетных отношений (Ефимова 2019, 12-17). Государство стремится выстроить систему контроля над указанными процессами, тем самым сдерживая их развитие.

Таким образом, еще раз отметим, что следует различать:

а) *частные цифровые отношения*, являющиеся результатом правовой коммуникации (саморегулирования), следствием самостоятельных действий участников информационных систем, направленных на возникновение, изменение и прекращение

таких частных отношений). Такие цифровые отношения являются цифровыми правоотношениями в полном смысле значения этого термина;

б) *публичные цифровые отношения*, являющиеся результатом нормативного (государственного) регулирования и направленные на оказание государственных и муниципальных услуг, на контроль и надзор в сфере информационных технологий и пр. Такие цифровые отношения лишь условно по традиции можно назвать правоотношениями, тогда как на самом деле они являются не отношениями права, а отношениями власти и подчинения (властеотношения).

Термином, объединяющим оба рода отношений, является термин «цифровые отношения», т.е. отношения любой отраслевой принадлежности (частные, публичные, включая процессуальные и т.п.), связанные с использованием цифровой технологии. Например, применительно к экономике, производство, потребление, обмен и распределение могут осуществляться вне какой-либо цифровизации и оформляться в традиционной бумажной (документарной) форме. Правовые формы таких отношений нам хорошо известны: сделки и другие юридические факты, правоотношения, акты реализации правоотношений и пр. Формы государственного регулирования также известны: административные акты, судебные акты. Цифровизация же экономики означает появление новой формы экономических отношений, но не их содержания. В условиях цифровой экономики, когда используются цифровые технологии учета данных в базах данных, их обмена, автоматизированная система управления данными (количеством, качеством, ценами и другими необходимыми данными для заключения сделок на электронных торговых площадках), экономические процессы, которые оформлялись в традиционной бумажной (документарной) форме, оформляются в новой цифровой (бездокументарной) форме. Законодатель учитывает эти изменения, отражает особенности возникновения и реализации реальных экономических процессов в условиях их цифровизации и практики их применения. При этом сущность используемых правовых инструментов остается прежней и выражается в хорошо известной юристам терминологии: правоотношение и властеотношение, основания их динамики, субъекты, объекты, содержание.

2.3. Конституционный аспект правового исследования цифровых отношений.

Государство должно воздерживаться от произвольного вмешательства в естественные природные и общественные процессы и сосредоточиться на основной

своей задаче – защите прав и свобод человека, которым могут угрожать такие процессы. Мысль не нова, об этом пишут на протяжении последних более чем двухсот лет прогрессивные философы, социологи, экономисты и юристы. Достаточно привести слова немецкого философа В. Гумбольдта из его книги «О пределах государственной деятельности» (1792): «Государство должно воздержаться от всякой заботы о положительном благе граждан; оно не должно делать ни одного шага далее, чем необходимо для их безопасности друг от друга и от внешних врагов; ни для какой другой цели не должно оно стеснять их свободы» (Гумбольдт 2003, 40). Защита прав и свобод граждан – исключительная цель государства и единственный предмет его деятельности.

Люди должны иметь возможность располагать собой, вести собственную жизнь так, как они пожелают. Люди не должны быть обязаны действовать как того пожелают чиновники, представляющие государство, они не должны быть принудительно защищены от самих себя, подобно беспрецедентным мерам по самоизоляции в период пандемии, ограничивающим свободу людей (по существу, домашнем аресте с карательными санкциями, ограничении свободы передвижения, но порой без какого-либо содействия в жизнеобеспечении или компенсации причиненного ущерба). Позиция принудительной заботы, которая присуща политике государства, прямо противоречит понятию свободы воли человека и праву человека на принятие решений. Такая позиция насильственного патронажа является основой для любого государственного интервенционизма (Новиков 2020), включая желание регулировать процессы цифровизации общественных отношений.

Проблема обеспечения прав и свобод человека в его цифровых взаимоотношениях с государством состоит в том, что, с одной стороны законодательное регулирование не должно сдерживать потенциал цифровых технологий, а, с другой, - должно обеспечить конституционные права и свободы человека. Государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, как высшей общественной ценности². Данная конституционная гарантия в полной мере распространяется на права человека, выраженные в цифровой форме. Процессы цифровизации общественных отношений следует оценивать, прежде всего, с точки

² ст. 2 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Здесь и далее (если не указано иное) все ссылки на российские нормативно-правовые акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения. <http://www.consultant.ru>

соответствия интересам человека, удовлетворения его потребностей. Задача государства признавать, соблюдать и защищать цифровые права граждан от всевозможных нарушений, обеспечивая при этом конституционно-правовую безопасность личности, общества и государства (Зорькин 2018).

В Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. (далее – Концепция)³ указывается, что одной из задач регулирования цифровых технологий является создание условий для их применения при принятии юридически значимых решений, с тем чтобы это не несло угрозы основополагающим правам и свободам человека, а также обороне страны и безопасности государства. Это соответствует также Резолюции Европейского парламента от 20 октября 2020 г. с рекомендациями Комиссии по этическим аспектам искусственного интеллекта, робототехники и связанных с ними технологий, в которой прямо отмечается, что технический прогресс не должен приводить к использованию цифровых технологий для автономного принятия решений в государственном секторе, которые имеют прямое и значительное влияние на права и обязанности граждан (п. 70).⁴

В Концепции, наряду с указанными основными целями регулирования цифровых технологий (обеспечение развития цифровых технологий и обеспечение прав граждан, безопасности общества и государства), определены также принципы регулирования их применения, которые направлены на реализацию целей регулирования и могут быть сведены к двум группам: а) принципы регулирования создания и применения цифровых технологий, стимулирующие развитие цифровых технологий, саморегулирования и сорегулирования в рассматриваемой сфере, конкуренции и др.; б) принципы, обеспечивающие права граждан, безопасность общества и государства, отражающие человеко-ориентированный подход в регулировании цифровых технологий, ограничение рисков причинения вреда участникам цифровых отношений, правам человека и интересам общества и государства и др.

Представляется, что цель обеспечения благополучия и безопасности человека должна преобладать над иными целями разработки и применения цифровых технологий; должна быть ограничена разработка и применение цифровых технологий, способных

³ См.: Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. №2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года».

⁴ Framework of ethical aspects of artificial intelligence, robots and related technologies. European Parliament resolution of 20 October 2020 with recommendations to the Commission on a framework of ethical aspects of artificial intelligence, robots and related technologies. Дата обращения 10 мая, 2021. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0275_EN.pdf

причинять вред человеку; должна быть обеспечена подконтрольность цифровых технологий человеку; должно быть гарантировано недопущение противоправной манипуляции поведением человека (Чеховская 2021, 31).

Сравнение принципов регулирования применения цифровых технологий, содержащихся в Концепции (стимулирование создания технологий, сорегулирование, поддержка конкуренции, обеспечение прав человека, интересов общества и государства и др.), и принципов регулирования применения цифровых технологий, разработанных группой западных исследователей (конфиденциальность, подотчетность, безопасность, прозрачность, недискриминация, человеческий контроль над технологией, профессиональная ответственность, пропаганда общечеловеческих ценностей) (Field, Nagy 2020), показывает, что российские принципы скорее направлены на реализацию цели стимулирования создания и внедрения технологий и являются положениями, определяющими государственную политику в этой сфере, тогда как общемировой подход отражает главным образом требования не столько к государственным органам, сколько к разработчикам технологий и тем лицам, которые их будут использовать (Чеховская 2021, 32). Это весьма существенное различие, так как в общемировом подходе государству отводится подобающая ему роль, выражающаяся не столько в регулировании технологических процессов (развивающихся на основе инициативы их разработчиков и пользователей, т.е. на основе саморегулирования), сколько в государственном контроле деятельности разработчиков технологий и защите прав участников цифровых отношений, прежде всего, конституционных прав и свобод человека.

2.4. Частное регулирование цифровых отношений (саморегулирование).

Частные цифровые отношения, как правоотношения, характеризуются особенностями их субъектов, оснований динамики, объектов и содержания. Рассмотрим указанные элементы частных цифровых отношений подробнее.

1. Характеризуя *особенности правового положения субъектов цифровых правоотношений*, следует исходить из их основного статуса (например, владелец, продавец, покупатель) и дополнительной их характеристики, определяемой цифровой формой отношения (например, владелец, продавец, покупатель, как пользователи цифровой информационной системы). В цифровой информационной системе участвует также оператор этой системы, оказывающий посреднические услуги субъектам основного правоотношения. Как участников частного цифрового отношения, так и у

оператора цифровой платформы, наряду с правами и обязанностями субъектов, составляющими содержание основного правоотношения, появляются дополнительные права и обязанности, вызванные цифровой формой реализации основного правоотношения (Попондопуло 2019, 30).

Существует немало публикаций о правовом статусе искусственного интеллекта, вплоть до признания их субъектами права.⁵ Пишут о роботах как новых «цифровых личностях», новых субъектах права наряду с человеком (Талапина 2018). Такая постановка проблемы искусственна. Необходимо четко обозначить, кто является субъектом цифрового отношения: человек, как владелец робота, или сам робот? Авторы, наделяющие робота правосубъектностью, аргументируют это тем, что в праве могут использоваться различные юридические фикции, что робот – это такая же юридическая фикция, как, например, юридическое лицо, которое обладает правосубъектностью. С этим согласиться нельзя, поскольку:

во-первых, юридическое лицо, как фиктивный субъект права, может обладать имуществом, включая робототехнику. При этом номинальным владельцем имущества юридического лица, включая робототехнику, являются его участники, т.е. реальные физические лица. В литературе правильно отмечается, что действия робота в конечном счете всегда определяются волей человека. Поэтому нет оснований наделять робота правосубъектностью, считать его агентом или посредником, рассматривать робота в качестве квазиразновидности юридического лица, социализировать или иным образом искать у него возможности формирования собственной воли и ее проявления во вне (Петров 2018, 12);

во-вторых, робот – это объект права (имущество), который отличается особенностями, подлежащими учету при его эксплуатации и правовом регулировании соответствующих отношений. Например, робот может представлять собой источник повышенной опасности для окружающих, соответственно, его владелец несет риск последствий эксплуатации робота, как источника повышенной опасности. Участником цифровых отношений является не робот, а его владелец, обязанный контролировать его использование и возместить вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих (ст. 1079 ГК РФ).

2. Определяя *особенности оснований возникновения и реализации цифровых правоотношений*, следует также различать а) традиционные способы волеизъявления

⁵ См, например: Архипов, Наумов 2017; Серова 2018; Федорина 2018; Карлаш 2018.

лица, направленные на возникновение и осуществление реального общественного отношения, например, обязательства купли-продажи, правовые особенности которого определяются законом и договором, и б) особенности волеизъявления лица, вызванные цифровой формой отношения, например, получение кода доступа в информационную систему, передача информации в цифровой форме и т.д.

В юридической литературе предлагается законодательно определить понятие смарт-контракта (Вайпан 2017, 8; Санникова, Харитоновна 2018, 29). Представляется все же, что речь следует вести не о каком-то новом типе сделок, а лишь цифровой форме (цифровой технологии, техническом способе) совершения сделок и исполнения возникающих из них обязательств (Громова 2018, 34). Именно таким образом решены эти вопросы в ст. 160, 309, 434 ГК РФ, определяющих способы совершения сделок с помощью технических средств (т.е. цифровой технологии).

Существует мнение, что «фактическим продавцом товаров через интернет-сайты выступает искусственный интеллект, заключающий сделки и действующий по технологически заданным алгоритмам от имени хозяйствующего субъекта» (Лаптев, Лаптева 2018). На наш взгляд, нет оснований наделять машину (объект права) волей и правосубъектностью, считать ее агентом, выступающим от имени хозяйствующего субъекта. Машина – это лишь средство, используемое человеком для решения своих задач.

Совершение сделок в электронно-цифровой форме далеко не новое явление для российской экономики и права. Подобного рода сделки издавна совершаются на организованных торгах (биржах) в электронной форме (Попондопуло 2012). Специфика структуры договорных отношений здесь выражается в том, что участники биржевых торгов – продавцы и покупатели, каждый в отдельности, преследуя свои интересы (продать, купить), вступают в отношения с организатором торгов, оказывающем им цифровые услуги и фиксирующим совершение соответствующих сделок. Такая структура отношений определяет особенности их регулирования (Семякин 2020).

3. Характеризуя *особенности правового режима объектов цифровых правоотношений*, также следует различать: а) объекты реальных общественных отношений и б) особенности правового режима этих же объектов, определяемые их цифровой формой. Следует согласиться с тем, что создание цифрового образа объекта не меняет его природы (Гонгало, Новоселова 2019). Цифровая форма – это технический способ фиксации принадлежности объекта гражданских прав определенному субъекту, который может распорядиться им по своему усмотрению посредством использования

цифровых средств передачи информации о них. Таким образом, цифровая информация об объекте становится также объектом регулирования. Под информацией понимаются «сведения (данные, сообщения) независимо от формы их представления» (ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации»)⁶. В данном определении информация представлена двояко: как самостоятельный объект отношения – нематериальное благо (например, имя, результат творческой деятельности, цифровые данные) и как форма отношения (например, цифровые сведения об имени, результате творческой деятельности, цифровых данных).

К объектам гражданских прав относятся цифровые права, которые наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами определяются в качестве *имущественных прав* (ст. 128 ГК РФ). Законом определено, что цифровые права - это названные в таком качестве в *законе* обязательственные и *иные права*, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам (ст. 141.1 ГК РФ). Существует мнение, что такое определение не проясняет совокупность цифровых объектов (Разуваев 2020, 22). Однако, исходя из того, что цифровыми признаются права «названные в таком качестве в законе», а также из того, что их содержание определяется в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам, дает основание сделать вывод: к цифровым правам могут быть отнесены любые права, названные в качестве таковых: не только обязательственные, но и личные неимущественные права, вещные права, наследственные права и др.⁷

В отношении ряда цифровых прав отсутствует определенность, например, в отношении цифровых активов, на что обращается внимание в литературе (Новоселова, Полежаев 2021). В частности, криптовалюта, являющаяся видом цифрового финансового актива, пока не признается законным средством платежа на территории Российской Федерации. Тем не менее, криптовалюта используется в неофициальном обороте

⁶ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации». *Собрание Законодательства Российской Федерации*. 2006. №31. Ст. 3448.

⁷ см., например, ст. 2 Федерального закона от 31 июля 2020 г. №252-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». *Собрание Законодательства Российской Федерации*. 2020, № 31. Ст. 5018; ст. 2, 8 Федерального закона от 2 августа 2019 г. №259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». *Собрание Законодательства Российской Федерации*. 2019. №31. Ст. 4418; 2020. №30. Ст. 4738; ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных». *Собрание Законодательства Российской Федерации*. 2006. №31. Ст. 3451.

настолько широко, насколько это позволяют цифровые технологии, не подвластные контролю со стороны государства. Как отмечается в литературе, процессы цифровизации дают уникальное подтверждение идеи о том, что любые глобальные изменения правопорядка вначале стимулируют возникновение новых субъективных прав, которые лишь в дальнейшем получают нормативное закрепление (Разуваев 2020, 22).

В ряде стран, продвинувшихся значительно далее в реальном регулировании цифровых отношений, криптовалюта используется в качестве средства платежа. Так, по Закону Японии о платежных услугах под криптовалютой понимается имущественная ценность, которая может быть использована в расчетах с другими лицами за товары, аренду, услуги, а также передаваться в цифровой форме. Признание криптовалюты в качестве средства платежа позволило создать в Японии благоприятную бизнес-среду для развития крипторынка и привлечения инвесторов (Санникова, Харитоновна 2018, 26). В российском законодательстве вместо создания действующих правовых механизмов крипторынка, получили закрепление только дефиниции основных терминов, которые вызывают обоснованные сомнения в их адекватности целям и задачам, поставленным руководством страны по построению цифровой экономики (Там же).

4. *Особенности содержания цифровых правоотношений* также определяются особенностями определения принадлежности прав и обязанностей субъектам реальных отношений, вызванные использованием цифровой формы (цифровой платформы). Вместе с тем, нельзя не обратить внимание на двойственность термина «цифровые права», которым обозначены, как объекта права, так и субъективные права. Считается, что, распоряжаясь своим цифровым правом, его обладатель с помощью информационных технологий и технических средств осуществляет соответствующее гражданское право (Андреев 2018, 39). Действительно, в ст. 128 ГК РФ, устанавливающей перечень *объектов гражданских прав*, цифровые права отнесены к имущественным правам наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами. В ст. 141.1 ГК РФ, определяющей понятие и правовой режим цифровых прав, акцент смещен в сторону определения цифровых прав как элемента *содержания правоотношения*, поскольку они именуются правами, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Аналогичное нормирование наблюдается и в отношении *бездокументарных ценных бумаг*, определение которых отражает их в двойном значении: а) как объект права

(имущественное право – ст. 128 ГК РФ) и б) как субъективное право, воплощенное в ценной бумаге, осуществление и передача которого возможна только с соблюдением правил учета таких прав в соответствии со ст. 149 ГК РФ.

С учетом отмеченного формулировки ст. 128 и 141.1 ГК РФ нуждаются в уточнении. Так, в ст. 128 ГК РФ точнее было бы вместо слов «(включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права)» записать «(включая права на безналичные денежные средства, права на бездокументарные ценные бумаги и иные права, выраженные в электронно-цифровой форме)». Статью 141.1 следовало бы назвать не «Цифровые права», а «Права, выраженные в цифровой форме (цифровые права)», определив их как «права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы». Такие формулировки позволили бы без сомнения относить к цифровым правам любые права, подвергшиеся цифровизации: личные неимущественные, вещные, обязательственные, интеллектуальной собственности и т.д.

2.5. Публичное регулирование цифровых отношений.

Публичные цифровые отношения (властеотношения), также характеризуются особенностями их субъектов, оснований динамики, объектов и содержания. Они имеют сугубо нормативную природу. Так, если частные цифровые отношения возникают по воле их участников и субсидиарно регулируются законодательством, то публичные цифровые отношения всегда основаны на законодательной норме и тех обстоятельствах, которые такой нормой предусмотрены: субъекты властеотношений (органы публичной власти и адресаты властных предписаний – участники цифровых отношений); основания возникновения властеотношений (факты, порождающие цифровые отношения, и акты их регулирования); содержание властеотношений (полномочия органов публичной власти и обязанности участников цифровых отношений); объекты властеотношений (властные акты и корреспондирующие им действия адресатов таких актов).

По своей сути любые законодательные нормы и государственная практика их применения представляют собой субсидиарные средства регулирования, выражающие волю государства (законодателя, административных органов и судов), что не всегда соответствует объективным интересам людей, свидетельствует о чрезмерности вмешательства государства в частные отношения саморегулирования участников виртуальных отношений. Речь, разумеется, не идет об исключении государственного регулирования и контроля из сферы цифровых отношений, но оно должно быть

минимально необходимым и достаточным для такой основной цели деятельности государства, как защита прав и свобод человека от злоупотреблений в сфере свободной цифровой коммуникации.

Известно, что за всякой законодательной формулой стоит объективность фактов и закономерностей. Законодатель должен видеть право в самой действительности, ибо то содержание закона, которое он выражает в акте государственной воли, дано самими общественными отношениями. Цифровое законодательство также должно определяться посредством тех общественных отношений, которые выступают предметом его регулирования. Речь идет об обеспечении соответствия законодательных требований природе цифровых отношений. Законодательство должно устанавливать лишь необходимые требования, оставляя достаточно широкий простор для свободной (рыночной) деятельности участников цифровых отношений. Соответственно, в той мере, в какой цифровое законодательство создает юридические возможности для свободы участников цифровых отношений и насколько строго определяет компетенцию органов публичной власти в этой сфере, оно способствует созданию цивилизованного цифрового рынка.

Действующая система законодательного регулирования цифровых отношений недостаточно развита и направлена на подчинение цифровой свободы узко понимаемым государственным задачам: сохранить монополию на платежные системы (например, не признавать криптовалюту в качестве средства платежа, чтобы не допустить использование в обороте частных денег); контролировать частную жизнь посредством чрезмерного распространения видеонаблюдения, сбора персональных данных, вторжение в частную сферу использования интернет-ресурсов и т.д.

Исходя из принципа свободы осуществления частной деятельности, закон должен определять принципиальные публичные условия ее осуществления, а не регулировать детали такой деятельности. У органов исполнительной власти не должно оставаться средств для определения таких условий, исходя из целесообразности. Теория знает два разных подхода к обеспечению общественного порядка.

Один из них гласит, что в каждом конкретном случае применяются средства, которые лучше всего служат интересам общества. Однако, непонятно, кто и как определяет интересы общества? Возможно, этот подход как раз и сводится к тому, что правит не принцип, а целесообразность, и все ставится в зависимость от усмотрения власти, которое декретируется в качестве «интересов общества»? Если участник цифровых отношений исходит из своих правомерных интересов, которые направлены

также на пользу обществу, то у уполномоченного органа публичной власти такого мотива нет и не может быть.

Другой подход к созданию общественного порядка базируется на закреплении в законодательстве некоторых универсальных *принципов, как средств предотвращения столкновения конфликтующих устремлений* (являющихся естественным состоянием общества), а не как набор фиксированных целей. Подчинение таким общим принципам необходимо, поскольку в своей практической деятельности люди не могут исходить из полного знания и исчерпывающей оценки всех ее последствий. До тех пор, пока люди не обладают всеведением, единственный способ дать свободу индивиду – это очертить с помощью общих правил ту сферу, в пределах которой решение будет принадлежать ему самому. Свободы не может быть, когда органы публичной власти не ограничены каким-то определенным кругом деятельности, но могут использовать свою власть любым образом, если это служит ими же поставленным целям.

Публичные цифровые отношения могут возникать в разных сферах публичной деятельности: законодательной, административной и судебной деятельности. Например, в судопроизводстве используются электронно-цифровые системы учета данных в базах данных судебной системы. Характеризуя особенности элементов процессуального цифрового отношения (положения участников судебного процесса, объекта и содержания такого отношения), следует исходить из их основной характеристики (например, истец и ответчик, охраняемое материальное отношение, полномочия суда, процессуальные права и обязанности лиц, участвующих в деле) и дополнительной их характеристики, определяемой цифровой формой процессуального отношения (например, истец и ответчик, как пользователи информационной судебной системы, цифровая форма охраняемого материально отношения, цифровое выражение процессуальных прав и обязанностей участников процесса). Использование судебной системой информационных технологий предполагает участие в реализации процессуальных отношений оператора цифровой платформы (посредника). Как на основных участниках процессуального отношения, так и на операторе цифровой платформы, наряду с правами и обязанностями, составляющими содержание основного процессуального отношения и посреднического отношения, появляются дополнительные права и обязанности, вызванные цифровой формой реализации основного и посреднического отношения.

3. Выводы

В правовом исследовании цифровых отношений необходимо различать реальные социально-экономические процессы и их правовые формы (частные и публичные), а применительно к цифровизации общественных отношений – их особенности в условиях цифровизации. Для сферы правотворчества и правоприменения (как административного, так и судебного) это означает необходимость разработки и применения нормативных актов, которые направлены на регулирование общественных отношений, с учетом их специфической цифровой формы.

Библиография

- Андреев, Владимир К. 2018. «О понятии цифровых прав и их оборотоспособности». *Журнал предпринимательского и корпоративного права* 2: 38-41.
- Архипов, Владислав В., Виктор Б. Наумов. 2017. «О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности». *Закон* 5: 157–170.
- Бачинин, Владислав А. 2007. «Методологические проблемы каузально-детерминационного анализа правовых реалий». *Правоведение* 6: 149-158.
- Блажеев, Виктор В., Мария А. Егорова. ред. 2020. *Цифровое право* М.: Проспект.
- Вайпан, Виктор А. 2017. «Основы правового регулирования цифровой экономики». *Право и экономика* 10: 5-18.
- Василевская, Людмила Ю. 2020. «Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции». *Российский юридический журнал* 6: 105-115.
- Головкин, Роман Б., Оксана С. Амосова. 2019. ««Цифровые права» и «цифровое право» в механизме цифровизации экономики и государственного управления». *Вестник Владимирского юридического института* 2: 163-166.
- Гонгало, Бронислав М., Людмила А. Новоселова. 2019. «Есть ли место цифровым правам в системе объектов гражданского права». *Пермский юридический альманах* 2: 179-192.
- Громова, Елизавета А. 2018. «Смарт-контракты в России: попытка определения правовой сущности». *Право и цифровая экономика* 2: С. 34 -37.
- Гумбольдт, Вильгельм фон. 2003. *О пределах государственной деятельности*. М.: Социум, Три квадрата.
- Ефимова, Людмила Г. 2019. «Некоторые аспекты правовой природы криптовалют». *Юрист* 3: 12-18.
- Зорькин, Валерий Д. 2018. «Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума». Дата обращения 12 августа, 2021. <https://news.rambler.ru/other/39972750-zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zaschischat-tsifrovye-prava-grazhdan/>
- Карлаш, Даниил С. 2018. «Право роботов: метафизические и социально-экономические аспекты». *Бизнес и право. Приложение к журналу «Предпринимательское право»* 4: 9-14.
- Ландбассо, Ангуло И. 2018. «Европейская модель цифровизации экономики: опыт для России». *Право и цифровая экономика* 2: 5-14.
- Лаптев, Василий А., Алина В. Лаптева. 2018. «Методика формирования представления о предпринимательстве в условиях перехода к цифровой экономике в России». *Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)* 3: 192-193.
- Мизес, Людвиг фон. 2005. *Человеческая деятельность: трактат об экономической теории*. Челябинск: Социум.

- Новиков, Вадим. 2020. «Право людей решать за самих себя сейчас демонстративно отрицается». Дата обращения 12 августа, 2021. <https://thebell.io/author/vadim-novikov>.
- Новоселова, Людмила А., Олег А. Полежаев. 2021. «Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений: актуальные вопросы теории и практики». *Власть Закона* 2: 75-91.
- Петров, Дмитрий А. 2018. ««Роботизация» на торгах в эпоху цифровой экономики: бизнес-процесс или способ обхода закона?». *Гражданское право* 5: 12-15.
- Попондопуло, Владимир Ф. 2012. «Правовое регулирование деятельности на организованных торгах: новеллы законодательства». *Конкурентное право* 2: 16-22.
- Попондопуло, Владимир Ф. 2016. «Объект и предмет юридической науки». *Правоведение* 5: 2-12.
- Попондопуло, Владимир Ф. 2019. «Правовые формы цифровых отношений». *Юрист* 6: 29-36.
- Попондопуло, Владимир Ф. 2021. *Человеческая деятельность: правовые формы осуществления и публичная организация*. М.: Проспект.
- Терещенко, Людмила К. 2012. «Суды и современные информационные технологии». *Правосудие в современном мире*. под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой, **страницы**. М.: Норма, ИНФРА-М.
- Разуваев, Николай В. 2020. «Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы». *Теоретическая и прикладная юриспруденция* 1: 18-38.
- Санникова, Лариса В., Юлия С. Харитоновна. 2018. «Цифровые активы и технологии: некоторые правовые проблемы выработки понятийного аппарата». *Право и цифровая экономика* 1: 25-30.
- Семякин, Михаил Н. 2020. «Гражданско-правовой договор в сфере цифровой экономики». *Российский юридический журнал* 1: 107-116.
- Сырых, Владимир М. 2011. *Материалистическая теория права: Избранное*. М.: РАП.
- Сергеев, Андрей М. 2014. «Методологические основы и концептуальные положения конституционной экономики». *Российский юридический журнал* 3: 7-22.
- Серова, Ольга А. 2018. «Роботы как участники цифровой экономики: проблемы определения правовой природы». *Гражданское право* 3: 22-24.
- Талапина, Эльвира В. 2018. «Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы». *Журнал российского права* 2(254): 5-17.
- Федорина, Анастасия А. 2018. «К вопросу о правовом статусе робототехники и искусственного интеллекта». *Бизнес и право. Приложение к журналу Предпринимательское право* 4: 3-8.
- Хабриева, Талия Я., Николай Н. Черногор. 2018. «Право в условиях цифровой реальности». *Журнал российского права* 1: 85-102.
- Чеховская, Светлана А. 2021. «Использование систем искусственного интеллекта для принятия решений: построение системы принципов регулирования». *Предпринимательское право* 1: 24-35.
- Field, Jessica, Adam Nagy. 2020. «Principled Artificial Intelligence Mapping Consensus in Ethical and Rights-based Approaches to Principles for AI». Дата обращения 12 августа, 2021. <https://cyber.harvard.edu/publication/2020/principled-ai>

Статья поступила в редакцию

рекомендована в печать

Контактная информация:

Банакас Статис (Эфстатиос) – д-р права, E.Banakas@uea.ac.uk

Попондопуло Владимир Федорович – д-р юрид. наук, проф.; v.popondopulo@spbu.ru

Петров Дмитрий Анатольевич – д-р юрид. наук, доц.; d.petrov@spbu.ru

Силина Елена Владимировна – д-р юрид. наук; slepchenko.1974@mail.ru

Digital relationships as a subject of legal research

S. Banakas¹, D.A. Petrov², V.F. Popondopulo², E.V. Silina³

¹ University of East Anglia,

NR4 7TJ, Norfolk, Norwich, Norwich Research Park, United Kingdom

² St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

³ Russian State University of Justice (North-Western Branch),

5, Alexandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation

The subject of legal science manifests itself as a result of the study of its object by methods suitable for the study of the object. A legal scholar must operate not only with formal legal research methods, but with other methods that allow one to understand the purpose and means of activity of a participant in digital relations, and then also the environment (digital technologies and regulatory frameworks) as an external factor influencing the behavior (will) of participants in digital relationships. These methods imply a difference in the types of human activity and relations, as well as their legal regimes: private and public digital relations and methods of their regulation. From a theoretical point of view, digital law is not a separate subdivision in the legal system, but a digital form of private and public digital relations, which requires new approaches to their regulation, but not replacing the content of digital relations with their form. Private digital relations are the result of legal communication (self-regulation) of participants in digital relations. Public digital relations are not relations of law, but relations of power and subordination (power relations). The constitutional aspects of the legal study of digital relations make it possible to find a balance in matters of state support for the development of digital technologies and ensuring human rights and freedoms in his digital relationship with the state. The digitalization of relations is only one of the means used by society and its public entities for the good of man, as his highest value. The state should not so much regulate technological processes as exercise state control over the activities of technology developers and protect the rights of participants in digital relations.

Keywords: digital relation, subjects of digital relations, objects of digital relations, content of digital relations, digital legal relation, digital power relation, digital law, research methodology, human rights and freedoms.

References

- Andreev, Vladimir K. 2018. "On the concept of digital rights and their negotiability". *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava* 2: 38-41. (In Russian)
- Arkhipov, Vladislav V., Viktor B. Naumov. 2017. "On some issues of the theoretical foundations of the development of legislation on robotics: aspects of will and legal personality". *Zakon* 5: 157–170. (In Russian)
- Bachinin, Vladislav A. 2007. "Methodological problems of causal-determinative analysis of right-wing realities". *Pravovedenie* 6: 149-158. (In Russian)
- Blazheev, Viktor. V., Mariia A. Egorova. eds. 2020. *Digital law under the general*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Chekhovskaia, Svetlana A. 2021. "Using artificial intelligence systems for decision-making: building a system of regulation principles". *Predprinimatel'skoe pravo* 1: 24-35. (In Russian)
- Efimova, Liudmila G. 2019. "Some aspects of the legal nature of cryptocurrencies". *Iurist* 3: 12-18. (In Russian)
- Fedorina, Anastasiia A. 2018. "On the issue of the legal status of robotics and artificial intelligence". *Biznes i pravo. Prilozhenie k zhurnalu Predprinimatel'skoe pravo* 4: 3-8. (In Russian)
- Field, Jessica, Adam Nagy. 2020. "Principled Artificial Intelligence Mapping Consensus in Ethical and Rights-based Approaches to Principles for AI". Accessed August 12, 2021. <https://cyber.harvard.edu/publication/2020/principled-ai>
- Golovkin, Roman B., Oksana S. Amosova. 2019. "Digital rights» and «digital law» in the mechanism of digitalization of the economy and public administration". *Vestnik Vladimirskogo iuridicheskogo instituta* 2: 163-166. (In Russian)
- Gongalo, Bronislav M., Liudmila A. Novoselova. 2019. "Is there a place for digital rights in the system of objects of civil law". *Permskii iuridicheskii al'manakh* 2: 179-192.
- Gromova, Elizaveta A. 2018. "Smart contracts in Russia: an attempt to determine the legal essence". *Pravo i tsifrovaia ekonomika* 2: S. 34 -37. (In Russian)
- Humboldt, Wilhelm von. 2003. *On the limits of state activity*. Moscow, Sotsium, Tri kvadrata Publ. (In Russian)
- Karlash, Daniil S. 2018. "Robot Law: Metaphysical and Socio-Economic Aspects". *Biznes i pravo. Prilozhenie k zhurnalu "Predprinimatel'skoe pravo"* 4: 9-14.
- Khabrieva, Taliia Ia., Nikolai N. Chernogor. 2018. "Law in the digital reality". *Zhurnal rossiiskogo prava* 1: 85-102. (In Russian)
- Landbasso, Angulo I. 2018. "European model of digitalization of the economy: experience for Russia". *Pravo i tsifrovaia ekonomika* 2: 5-14. (In Russian)
- Laptev, Vasilii A., Alina V. Lapteva. 2018. "Methodology for the formation of an idea of entrepreneurship in the transition to the digital economy in Russia". *Vestnik universiteta imeni. O. E. Kutafina (MGIU)* 3: 192-193. (In Russian)
- Mizes, Liudvig fon. 2005. *Human Activity: A Treatise on Economic Theory*. Chelyabinsk, Sotsium Publ. (In Russian)
- Novikov, Vadim. 2020. "Pravo liudei reshat' za samikh sebia seichas demonstrativno otritsaetsia". Accessed August 12, 2021. <https://thebell.io/author/vadim-novikov>. (In Russian)
- Novoselova, Liudmila A., Oleg A. Polezhaev. 2021. "Digital financial assets as objects of property relations: topical issues of theory and practice". *Vlast' Zakona* 2: 75-91. (In Russian)
- Petrov, Dmitrii A. 2018. "Robotization" in the auction in the era of the digital economy: a business process or a way to circumvent the law?" *Grazhdanskoe pravo* 5: 12-15. (In Russian)

- Popondopulo, Vladimir F. 2012. "Legal Regulation of Activities at Organized Tenders: Novelties of the Legislation". *Konkurentnoe pravo* 2: 16-22. (In Russian)
- Popondopulo, Vladimir F. 2016. "Object and Subject of Legal Science". *Pravovedenie* 5: 2-12. (In Russian)
- Popondopulo, Vladimir, F. 2019. "Legal Forms of Digital Relations". *Iurist* 6: 29-36. (In Russian)
- Popondopulo, Vladimir F. 2021. *Human activity: legal forms of implementation and public organization*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Razuvaev, Nikolai V. 2020. "Digital transformation of subjective civil rights: problems and prospects". *Teoreticheskaya i prikladnaya iurisprudentsiya* 1: 18-38. (In Russian)
- Sannikova, Larisa V., Iuliia S. Kharitonova. 2018. "Digital Assets and Technologies: Some Legal Problems of Developing a Conceptual Apparatus". *Pravo i tsifrovaya ekonomika* 1: 25-30. (In Russian)
- Semiakin, Mikhail N. 2020. "Civil contract in the field of digital economy". *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* 1: 107-116. (In Russian)
- Sergeev, Andrei M. 2014. "Methodological foundations and conceptual provisions of constitutional economics". *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* 3: 7-22. (In Russian)
- Serova, Ol'ga A. 2018. "Robots as Participants of the Digital Economy: Problems of Determining the Legal Nature". *Grazhdanskoe pravo* 3: 22-24. (In Russian)
- Syrykh, Vladimir M. 2011. *Materialistic theory of law: Selected works*. Moscow, RAP Publ. (In Russian)
- Talapina, El'vira V. 2018. "Law and Digitalization: New Challenges and Prospects". *Zhurnal rossiiskogo prava* 2(254): 5-17. (In Russian)
- Tereshchenko, Liudmila K. 2012. "Courts and modern information technologies". *Pravosudie v sovremennom mire*. ed. by V. M. Lebedeva, T. Ia. Khabrieva, pages. Moscow, Norma, INFRA-M Publ. (In Russian)
- Vaipan, Viktor A. 2017. "Fundamentals of legal regulation of the digital economy". *Pravo i ekonomika* 10: 5-18. (In Russian)
- Vasilevskaya, Liudmila Iu. 2020. "Digitalization of civil turnover: problems and trends". *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* 6: 105-115. (In Russian)
- Zor'kin, Valerii D. 2018. "Law in the digital world. Reflection on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum". Accessed August 12, 2021. <https://news.rambler.ru/other/39972750-zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zaschischat-tsifrovye-prava-grazhdan/> (In Russian)

Received:

Accepted:

Authors' information:

Banakas Stathis (Efstathios) – Dr. Sci. in Law, E.Banakas@uea.ac.uk

Vladimir F. Popondopulo – Dr. Sci. in Law, Professor; v.popondopulo@spbu.ru

Dmitrii A. Petrov – Dr. Sci. in Law, Associate Professor; d.petrov@spbu.ru

Elena V. Silina – Dr. Sci. in Law; slepchenko.1974@mail.ru